

РОЖДЁННЫЙ ДВАЖДЫ

Никита Юрьевич Брагин родился в 1956 году в Москве. Окончил Московский государственный университет, главный научный сотрудник Геологического института РАН, доктор геолого-минералогических наук. Член Союза писателей России, автор пятнадцати сборников стихов, лауреат Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2018), обладатель Гран-при конкурса «Преодоление» МГО СП России (2020). Публикуется в «Литературной газете», газете «День литературы», журналах «Наши современник», «Москва», «Подъём», «Александръ» и др. Живёт в Москве.

Всё время слышу, как вокруг
твердят,
что плохо всё, что жизнь
не удалась,
и некто, полувыбрит и поддат,
клянёт погоду, родственников,
власть, —
всё, что припомнит,
разве только Бога
не упомянет (он же атеист),
и всё никак не вырулит к итогу,
зануден, пустословен,
голосист...

Угадываю жадное желание
иметь в запасе жизнь,
а лучше две,
прожить одну, а дальше —
знать заранее
все прикупы
(и джокер в рукаве!).
Желанье знать таблицу лотереи,
листы вакансий, ценовой
разброс,
исчислить всё и разрешить
скорее
квартирный или половой вопрос.

А где-то рыболов,
усевшись, как баклан,
соседу прокричит, и слово
сквозь туман
заклятьем зазвонит,
скользя по тишине,
такой привычной нам,
раскатываясь вдаль по дюнам,
валунам,
на хвою и гранит.

РОМАН О ЛОНДОНЕ

Роман о Лондоне
в рождественской ночи,
в сухих кристалликах
искусственного снега —
они летят сквозь тёплые лучи
витрин и фонарей и падают
с разбега,
на черни мостовых мерца
серебром...
Зима здесь — мишура, иллюзия,
легенда,
где Темза подо льдом,
и где холодный дом,
и леденеет сердце, сданное
в аренду...
Нет, всё давно не так,
в комфорте Оксфорд-стрит —
там светятся гирлянды и рога
оленьи,
и газ в сыром тумане больше
не горит,
и не зовёт слезу рождественское
пенье.
Лишь кожа корешков добротных
старых книг
хранит тепло камина и туман
за дверью,

и к дымному Ист-Энду
подходящий бриг,
и веру, что в кредит заложена
безверьем.
Я признаю любовь — простите,
ваша честь,
не осуждайте мой поклон
ушедшей славе!
Роман о Лондоне —
ну как не перечесть,
и этот город —
с кем его оставить?

Ложные солнца в морозной
дали
бледными розами тихо взошли,
небо слезой замерцало,
золото солнц и снегов серебро
лезвием тонким скользят
под ребро
и леденеют металлом.

Ясно до звона, но меркнет
в глазах,
чёрным огнём налетела гроза,
и задрожали колени,
сердце упало в бездонную даль,
льдинки звенят, и мерцает
хрусталь,
кружатся синие тени.

Солнце вдохнуть, захлебнуться
зимой,
крылья раскрыть над печалью
земной
и рассмеяться беззвучно.
Лёгким касанием карандаша
строки любви возвращает душа
в небо над садом Нескучным.

Дойти, доплыть, дослушать,
досмотреть,
всё воспринять и выпить
без остатка,
ключ подобрать и отыскать
разгадку,
разбить оковы и распутать сеть.

Познать, что можно,
а чего — не сметь,
крупинку горечи почуять
в сладком,
достичь в итоге строгого
порядка
и завершить свой путь, встречая
смерть.

А что потом?

Дальнейшее — молчанье,
скрывающее, словно за стеной,
неведомые странствия сознания,
идущего на ощупь в мир иной
с желанием найти за тёмной
гранью
твой милый образ, светлый
и земной.

Давно конечен мир, и жизнь
подобна свитку,
что свёрнут до конца и связан
навсегда,
а ты ещё ползёшь, как старая
улитка,
спиральной скорлупой свинтив
свои года.

Но дух всё так же юн. Похоже,
он бессмертен.
Он грезит и поёт, рыдает
и горит,

и краткий век любви становится
безмерным,
и бесконечный мир в твоей
ладони спит.

По поводу мокрого снега,
по поводу талой воды,
по поводу чёрного хлеба
и белой, как север, беды
задумаюсь пепельной ночью,
внезапно очнувшись от сна,
и смерть обовьёт позвоночник,
и в сердце войдёт тишина.

И станет легко и прозрачно,
когда ощутишь всей душой,
что век до копейки растрочен
бесхитростно и хорошо.
Без всяких заклятий и магий
цветок из снежинки творим,
и несколько букв на бумаге
звучат оправданьем твоим.

АНЕМОНЫ

В анемонах теперь не огонь
я увидел, а нежность,
столь невесомую, что не могу
ни примера найти,
ни отвернуться на этом
извилистом горном пути
между последней красою
и прежней.

Кажется, это, вчерашнее, было
всегда —
бурая глина, куски терракоты,
кора кипарисов;
и придорожный цветок,
что склонился и высох,
даже и он, как в ладони звезда.

тебя — и смотришь ты прозрачно
и наивно,
как этот вечер тихий, как листва
берёз,
чуть-чуть желтеющая,
как приметы ливня
на травах, и тропинка,
и туманный плёс,
открывшийся с моста, — покоем
и призывом —
приди, зажги костёр, на воду
погляди,
взгляни на облака в закатных
переливах;

подумай о любви, о том,
что впереди,
за этой ночью, этим летом,
этим счастьем,
и радуйся, и пусть неспешно
и светло
душа твоя поёт, распахнутая
настежь,
как в сонный сад окно,
как в небе высоко
сквозь облачную темень лунная
дорога...
Ах, лето красное, продлись ещё
немного!

